

Научная статья
УДК 811.512.31
DOI 10.18101/3033-1310-2025-4-24-33

Некоторые особенности унгинского говора бурятского языка в народных песнях: предварительные результаты анализа

© **Иванов Вячеслав Валерьевич**

научный сотрудник,

Научный центр по сохранению, возрождению и документации языков России,

Институт языкознания РАН

Россия, 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер. 1, стр. 1

vvivanov@iling-ran.ru

Аннотация. Целью статьи является изучение особенностей унгинского говора бурятского языка. Материалом для исследования послужили народные песни, записанные автором от одной носительницы в с. Закулей Нукутского района Иркутской области в 2016–2017 гг. В качестве методов был использован фонетический, морфологический и синтаксический анализ материала, транскрибированного в системе международного фонетического алфавита в программе Praat. Исследование показало, что особенности, наблюдаемые при исполнении песен имеют разное происхождение: одни обусловлены собственно лингвистическими характеристиками унгинского говора, другие же — спецификой мотива, в рамках которого существует записанный и анализируемый текст. Были намечены перспективы для продолжения такого анализа, заключающегося в сравнении текстов одних и тех же песен при их исполнении и речевом произнесении.

Ключевые слова: бурятский язык, унгинский говор, народные песни, фольклор, диалектология, лингвистические особенности.

Для цитирования

Иванов В. В. Некоторые особенности унгинского говора бурятского языка в народных песнях: предварительные результаты анализа // Бурятский язык и литература в школе. 2025. № 4. С. 24–33.

Введение. Унгинский говор (аларо-тункинское наречие <бурятский язык [3, с. 24] <северно-монгольские < монгольские [4]) является недостаточно задокументированным и малоизученным идиомом бурятского языка. Он, как и другие территориальные говоры западных бурят, находится под угрозой исчезновения. В настоящее время на нем говорит лишь старшее поколение унгинских бурят (*Унгэйн буряаһууд*), проживающих преимущественно в Нукутском муниципальном округе Иркутской области¹. Последняя масштабная экспедиция по сбору языкового материала данного говора была осуществлена в октябре — ноябре 1962 г. в рамках работы отдела языка и письменности Бурятского комплексного института СО АН СССР [9]. Так, в этой экспедиции И. Д. Бураеву удалось изучить экспериментальным путем фонемный состав рассматриваемого говора, применив специальное рентгеновское оборудование [2]. Это стало первым шагом

¹ Обозначение административных единиц приводится в соответствии с административным делением, актуальным на момент проведения экспедиции.

к дальнейшему исследованию фонетики и грамматики говора унгинских бурят. По данному говору, как и по другим говорам западных бурят, существует архив экспедиционных материалов, который был помещен после экспедиции в рукописный отдел Бурятского филиала СО АН СССР [9]. Однако материалы этого архива до настоящего времени не введены в полной мере в научный оборот. Кроме того, по свидетельствам И. Д. Бураева, в ходе экспедиций осуществлялись и магнитофонные записи, однако их судьбу еще предстоит выяснить будущим исследователям.

Следующая наиболее крупная экспедиция к унгинским бурятам прошла только в 2007 г. под руководством Л. Б. Бадмаевой. В ней удалось «составить лингвистическое описание унгинского говора бурятского языка, выявить собственно языковые (диалектные) особенности — фонологические, грамматические, лексические, возникающие в процессе контактирования и развития языков; рассмотреть и произвести анализ диалектных особенностей» [1, с. 307].

Таким образом, в настоящее время большая часть материалов по унгинскому говору, записанных более 60 лет назад, остается недоступной широкому кругу исследователей и самим носителям языка. Вследствие этого говор является недостаточно изученным и описанным, что ставит на первый план необходимость его срочной документации с использованием современного аудио- и видеоборудования, а также создание полных грамматических описаний его морфологии и синтаксиса.

Однако помимо записей живой речи архивы Бурятии (шире — России) располагают записями фольклорных произведений разных жанров, которые были исполнены, в том числе носителями унгинского говора бурятского языка. Так, на протяжении второй половины XX в. Д. С. Дугаровым [5] был собран и опубликован значительный фольклорный материал, который исполнялся старшими родственниками и земляками современных носителей унгинского говора и унгинской песенной традиции. Кроме того, уже в 2010-х гг. корпус фольклорных материалов унгинских бурят был собран в экспедиции Новосибирской государственной консерватории под руководством О. В. Новиковой [6].

Фольклорный материал, подвергнутый анализу с позиций лингвистики, позволяет выявить некоторые языковые особенности, редко или вовсе не встречающиеся в речи. Подобный анализ может органично дополнить и расширить направления фольклористики и этномусыковедения, что в дальнейшем может способствовать более глубокому пониманию устройства фольклорного материала, его функционирования и изменения в рамках фольклорной традиции. Наконец, обращение лингвистики к фольклорному материалу может стимулировать исследователей записывать исполнение фольклора носителями песенной традиции унгинских бурят, которые в настоящее время являются лишь малой частью и без того сокращающегося языкового сообщества. С другой стороны, это может пробудить интерес у сообщества к фольклору и запустить процесс его возрождения и ревитализации языка в целом.

Цель настоящего исследования — предварительное изучение фонетических, морфологических и синтаксических особенностей унгинского говора. Материалом послужили три песни, записанные автором в 2016 г. в селе Закулей Нукутского района Иркутской области от самой старшей в селе на тот момент носительницы унгинского говора бурятского языка и песенной традиции Кларты Ин-

нокентьевны Болдохоновой (Хангаловой) (1928–2018). Корпус песен, записанных от нее автором статьи, включает восемь песен, которые могут быть отнесены к следующим жанрам: жизненные (*наһанай дуун* — две песни), застольные (*артиин дуун* — две песни), ёхорные (*ёохорой/наадани дуун* — две песни) и песни-благопожелания (*урөөрэй дуун* — две песни). Поскольку целью работы не является сравнение жанров, песни были отобраны случайным образом. Их анализ проводился в программе Praat и включал фонетическую транскрипцию в системе Международного фонетического алфавита (МФА) и глоссирование в соответствии со стандартами Лейпцигских правил¹. Опыт транскрипции фольклорных произведений не нов ни для лингвистики, ни для фольклористики. Однако для фольклорных текстов практически никогда не используется МФА: приводимые для них транскрипции используют для передачи звуков кириллицу и основаны на восприятии и интерпретации этих звуков самими исследователями (см. напр. монографию Е. Л. Тирон, А. В. Байыр-оол и И. С. Тарбастаевой [8]). В работе для демонстрации особенностей этого говора тексты приводятся в МФА; в кириллической же орфографии даны материалы литературного бурятского языка.

Основная часть. Прежде чем перейти к анализу особенностей унгинского говора в народных песнях, приведем указатель условных обозначений, применяемых нами, а также полные тексты песен 1–3 (раздел 1 — песня 1, раздел 2 — песня 2, раздел 3 — песня 3). Далее последовательно рассмотрим фонетические, морфологические и синтаксические особенности унгинского говора.

Условные обозначения: Abl — аблатив, Ant — разделительное деепричастие, Com — комитатив, Dat.Loc — датив-локатив, Dim — диминутив, E — эпентеза, Fut — причастие будущего времени, Gen — генитив, Ins — инструменталис, Lim — предельное деепричастие, Neg — отрицание, Part — частица, Perf — перфектное причастие, Poss — посессив, Pst — прошедшее время, Refl — рефлексив, Sim — соединительное деепричастие, Vblz — вербализатор, 1Sg — первое лицо единственное число, 2Pl — второе лицо множественное число, 3 — третье лицо. Вертикальными чертами внутри и на конце строк отмечены паузы при исполнении.

1. Песня 1

(1a)	sar^hu:-χan^h=fje	he:χan-a	jaβa-h^hi:=jemae= ^he-β^he	
	великолепный-Dim=Part	прекрасный-E	идти-Perf=Part=Part-1Sg	
	‘Я была великолепна и прекрасна.’			
(1б)	sava:η-a	tor<a>v:ɔ:r-a	xuψsa-l-e-h^hi:=jemə= ^he-β^he	ge:t
	белый-E	шелк<E>-Ins-E	одежда-Vblz-E-Perf=Part=Part-1Sg	Part
	‘Я одевалась в белые шелка.’			
(1в)	sav-a:<ha>n^h=fje	ηŋgər-ə:d-ə	jire-xe-dea=la	
	время-Gen<E>=Part	пройти-Ant-E	прийти-Fut-Dat=Part	
	‘Когда время прошло,’			

¹ The Leipzig Glossing Rules: Conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses. [Лейпцигские правила глоссирования: конвенции для межстрочных поморфемных глосс]. URL: <https://www.eva.mpg.de/lingua/pdf/Glossing-Rules.pdf> (accessed 10.10.2025).

- (1г) **aʃa-te:=ʃe** **γuʃa-te:** | **ʉtəl-a-βə=ʎə-βʎe** **ge:t** |
 внук-Com=Part правнук-Com стареть-E-Pst=Part-1Sg Part
 'Я состарилась, имея внуков и правнуков.'
- (1д) **urʼa-χанʼi=ʃi** **heəχaŋ** | **jaβa-hʼi:=jema=ʎe-βʎe** |
 нежный-Dim=Part прекрасный идти-Perf=Part=Part-1Sg
 'Я была нежна и прекрасна.'
- (1е) **ula:ŋ-a** **tor<a>γ-э:r-a** **χуфса-l-e-hi:=jeamə=ʎə-βʎe** **ge:t** |
 красный-E шелк<E>-Ins-E одежда-Vblz-E-Perf=Part=Part-1Sg Part
 'Я одевалась в красные шелка.'
- (1ж) **ʉŋger-зə=jea** **χaγ<e>da-r-a:d-a** | **hu:-χa-d-a:=la** |
 пройти-Sim=Part трава¹<E>-Vblz-Ant-E сидеть-Fut-Dat-Refl=Part
 'Живя и увянув со временем,'
- (1з) **aʃa-te:=ʃe** **γuʃa-te:** | **ʉtəl-a-βə=ʎə-βʎe** **ge:t** |
 внук-Com=Part правнук-Com стареть-E-Pst=Part-1Sg Part
 'Я состарилась, имея внуков и правнуков.'

2. Песня 2

- (2а) **χухе:** **χухе:** **ʃʉβʉ:n-a-ha:**
 кукушка кукушка птица-E-Abl
 'Чем кукушка-птица'
- (2б) **χʉk-te:** **ʃʉβʉ:ŋ-ʉ** **ʉβe:=jema** |
 веселье-Com птица-E Neg=Part
 'Веселее птицы нет'
- (2в) **χʉβʉ:m** **basχaŋ-o** **χojer-ə-ho:**
 парень девушка-E два-E-Abl
 'Чем парень с девушкой'
- (2г) **ina-χaŋ** **ʃʉ:ma** **ʉβe:=jema** |
 любимый-Dim вещь Neg=Part
 'Милее ничего нет'
- (2д) **anʼjer** **anʼjer** **ʃʉβʉ:n-a-ha:**
 турпан турпан птица-E-Abl
 'Чем турпан-птица'
- (2е) **aʎa:** **ʃʉβʉ:ŋ-ʉ** **ʉβe:=jema** |
 веселый птица-E Neg=Part
 'Веселее птицы нет.'
- (2ж) **аχe:** **dʉ:xe:** **χojer-a-ho:** |

¹ Слово *хагда* в бурятском языке имеет значение «старая (или прошлогодняя) трава, ветошь» [10]. В глоссах для экономии места оно обозначается как просто «трава».

	парень	девушка	два-E-Abl	
	'Чем парень с девушкой'			
(2з)	ina-χanⁱ	jυ:ma	υβe:=jema	
	любимый-Dim	вещь	Neg=Part	
	'Милее ничего нет'			
3. Песня 3				
(3а)	tengere=ʃe	χɔlb=lb	ge-ser-e=manⁱe=l=da:	
	небо=Part	далекий=Part	говорить-Lim-E=Poss.2Pl=Part=Part	
	'Хоть мы и говорим, что небо далёко.'			
(3б)	texer-e-xe=ʃe	naran-i:n	ʃu:m<a>v̄ae:=jema=l=da:	ge:t
	вернуться-E-Fut=Part	солнце-Poss.3	скорый<E>=Part=Part=Part	Part
	'[Ho]возвращающееся солнце быстро.'			
(3в)	ij̄e:=ʃi	zalu:	ge-ser-e=manⁱēa=l=da:	
	еще=Part	молодой	говорить-Lim-E=Poss.2Pl=Part=Part	
	'Хоть мы и говорим, что еще молоды.'			
(3г)	ut̄sl-ə-xe=ʃi	naħan-i:n	ʃu:m<a>vc:=jeama=l=da:	ge:t
	стареть-E-Fut=Part	возраст-Poss.3	скорый<E>=Part=Part=Part	Part
	'[Ho] старость быстро.'			

Представленный материал трех песен позволяет сделать некоторые наблюдения и выводы об особенностях фонетики, морфологии и синтаксиса унгинского говора в народных песнях. Ключевое наблюдение работы заключается в разграничении двух типов особенностей, отражающихся в песенном исполнении: одни обусловлены собственными лингвистическими чертами унгинского говора, а другие — спецификой песенного мотива, которым исполнена та или иная песня (особенности исполнения). И те, и другие наиболее отчетливо прослеживаются на уровне фонетики, однако далее будет показано их присутствие и на других уровнях в системе рассматриваемого говора.

1. Собственно фонетические особенности унгинского говора

На уровне фонологической системы в представленном материале в унгинском говоре выявлена более верхняя и более передняя реализация долгого [e:] в позициях, где согласно Л. Д. Раднаевой [7, с. 38] в литературном языке имеет место гласный средне-нижнего ряда [ɛ:]. Данная особенность наблюдается в словах с гласными заднего ряда как в основах: **ħe:χan-a** 'прекрасный-E' (1а), так и в аффиксах: **aħa-te:=ʃe** 'внук-Com=Part' (1г) и **γuħa-te:** 'правнук-Com'(1г). В словах с гласными переднего ряда также последовательно наблюдается [e:]: **do:xe:** 'девушка' (2ж). Можно предположить, что в унгинском говоре фонемы [ɛ:] и [e:] совпали в [e:], однако слово **aħe:** 'парень' (2ж), где в слове с гласными заднего ряда встречается именно [ɛ:] (как в литературном бурятском), дает основания сомневаться в данном выводе и предположить два возможных варианта: 1) совпадение [ɛ:] и [e:] в [e:] характерно только для песенного исполнения; 2) совпадение [ɛ:] и [e:] в [e:] является лингвистической особенностью говора, с некоторыми позиционно обусловленными исключениями. Дальнейшие исследования и

сравнения песенного и речевого материала говора помогут разрешить этот вопрос.

Также в унгинском говоре наблюдаются выпадения гласных звуков в позиции между переднеязычными и заднеязычными/увулярными щелевыми согласными. Подобное явление встречается в (2в): в лексеме **basɣaŋ-o** 'девушка-Е' (< basaŋan) между согласными [s] и [ʋ] наблюдается выпадение гласного [a]. После этого звук [ʋ] подвергся прогрессивной ассимиляции от звука [s] и перешел в глухой [χ], утратив признак звонкости, но сохранив все остальные характеристики исходного звука. По наблюдениям, проведенным параллельно с данным исследованием, подобный переход в унгинском говоре имеет место не только в сочетаниях $sX < sVG$, как в описанном выше случае, но и в сочетаниях $Xs < GV_s$: *paχsa < pakasa* 'дядя по матери'.

Другой фонетической особенностью, присущей унгинскому говору, является переход заднеязычных согласных в губные в интервокальной позиции. Однако на рассмотренном материале такой переход происходит только в показателе отрицания **oβe**: 'нет' (2б).

2. Фонетические особенности унгинского говора, обусловленные песенным исполнением

Песенное исполнение текста, как правило, подразумевает некоторые особенности, которые отличают его от обычного произнесения этого же текста в речи. Одной из наиболее заметных черт для рассматриваемого варианта языка является возникновение эпентез (или вставных звуков) внутри морфем (напр. 1б, 1е, 1ж), на стыках морфем (напр. 1г, 2а), а также на конце словоформы (напр. 1а, 2б). Их появление связано с перестраиванием артикуляции от согласного одного места образования к согласному другого места образования, либо же при попадании гласного в такое место мотива, где предполагается исполнение мелизма. Если эпентеза находится между двумя согласными или на конце словоформы, то она имеет вид V и представлена одним гласным звуком, например [a], [o], [e]. В случае же, если она находится в интервокальной позиции, она приобретает вид CV, где позицию перед гласным занимает согласный, например [ha]. На первый взгляд, выбор гласного осуществляется по закону сингармонизма в зависимости от того, какие гласные находятся в пределах конкретного слова. Однако некоторые примеры эпентез не подчиняются этому закону: **χay<e>da-r-a:d-a** 'трава<E>-Vblz-Ant-E' (1ж) и **utol-a-βo=βo-βie** 'стареть-E-Pst=Part-1Sg' (1з). Это дает основание предположить две возможные ситуации: либо существование более сложных правил выбора гласных в эпентезах, либо установить последовательное нарушение сингармонизма как явления, имеющего место в данном контексте.

Говоря о нарушении сингармонизма, можно выделить другую особенность песенного исполнения, которая заключается в огублении некоторых неогубленных гласных вне контекста огубленности. При сравнении словоформ **χuψsa-l-e-fni:=jeamo=βo-βie** 'одежда-Vblz-E-Perf=Part=Part-1Sg' (1е) и **texer-e-xo=βe** 'вернуться-E-Fut=Part' (3б) отчетливо прослеживается реализация огубленного [e] на конечных гласных частиц. Его возникновение коррелирует с попаданием гласного в позицию мотива, где гласный должен пропеваться протяжно. В других же позициях, где не предполагается протяженное исполнение гласных, такого огубления гласных не происходит (ср. (1а) и (1б)).

Еще одна песенная особенность — дифтонгизация монофтонгов. В примере (3в) отмечается возникновение дифтонга [e̞a], которого нет в данной позиции в этом слове при обычном произнесении. Это явление может быть обусловлено особенностями самого песенного исполнения как такового, при котором все гласные становятся гораздо более долгими, чем в обычной речи. Соответственно, можно предположить, что в обычном темпе речи этот переход был бы не так заметен, как в контексте песни.

Дифтонгизация монофтонгов может рассматриваться как частный случай более общего явления в песнях, а именно разного рода ассимиляции гласных под воздействием окружающих их других гласных. Например, в слове **heaxaŋ-a** ‘прекрасный’ (1д) второй компонент дифтонга ([a]) принимает такой вид под влиянием идентичного звука, встречающегося в следующем за ним слогом.

Также к песенным особенностям можно отнести и выпадение предшествующих согласных в кластерах. Так, в слове **ina-χan** ‘любимый-Dim’ (2г) выпадает согласный [k] в позиции перед [χ] (<inakχan). Это явление можно также объяснить устройством песенного мотива, который не предполагает существования кластеров согласных одного места образования (в данном случае двух заднеязычных). Для того чтобы согласный сохранился, требуется эпентеза, однако ее возникновение в данном случае вероятнее всего нарушит структуру мотива, поэтому носительница делает другой выбор и опускает предшествующий согласный звук.

3. Морфологические и синтаксические особенности унгинского говора

Морфологические особенности говора в анализируемом материале охватывают именные словоизменительные формы (падежи), а также глагольные формы (причастия и деепричастия). Так, наблюдаемые падежные формы инструменталиса, датива, аблатива идентичны соответствующим формам в литературном языке. Исключение представляет форма генитива: в **sak-a:<ha>ni=ʃie** ‘время-Gen<E>=Part’ (1в) представлен аффикс генитива **-a.n**, которому в литературном языке соответствует аффикс **-ai**.

Среди глагольных показателей, характерных для унгинского говора, можно выделить показатель предельного деепричастия **-ser-:ge-ser-e=man'e=l=da** ‘говорить-Lim-E=Poss.2Pl=Part=Part’ (3а). В литературном языке ему соответствует показатель **-тэр-**.

В отношении синтаксиса в текстах унгинских песен можно отметить последовательное соблюдение базового порядка слов, характерного для бурятского языка. При этом обращает на себя внимание достаточно частое употребление частиц **=ʃie, =le, =da**: в самых разных фонетических реализациях при различных частях речи: существительных, прилагательных, причастных, деепричастных и финитных глагольных формах, а также предикативах. Это распределение отражено в таблице 1.

Как видно, наиболее широкую сочетаемость в текстах песен имеет частица **=ʃie**, которая встречается при всех выделенных частях речи, кроме глаголов в финитной форме и предикативов. Гораздо меньшую сочетаемость имеют частицы **=le** и **=jema**: обе встречаются при причастных формах глагола, однако первая частица встречается и при финитной форме, в то время как вторая — только при предикативе. Тем не менее, предположительно, такая сочетаемость частиц

Таблица 1

Сочетаемость частиц при различных частях речи и их формах

	= ɣie	= le	= da:	= jema
Существительное	+	?	?	?
Прилагательное	+	?	?	?
Причастная форма глагола	+	+	+	+
Деепричастная форма глагола	+	?	?	?
Финитная форма глагола	?	+	?	?
Предикатив	?	?	?	+

зависит все же не от части речи или формы, а от позиции в исполняемом тексте песни. Так, например, =**ɣie** возникает только после первого слова в начале предложения, в то время как =**jema**, =**le**, =**da:** — только в самом конце предложения. Функционально эти частицы работают примерно как и эпентезы и служат для «заполнения» мотива.

Заключение. Подвергнутый анализу материал трех народных песен унгинских бурят позволил выделить некоторые фонетические, морфологические и синтаксические особенности рассматриваемого говора, которые имеют разную природу и происхождение: одни (слияние [ɛ:] и [e:] в [e:]; выпадение гласных и последующая ассимиляция соседних согласных; переход [ɣ] > [β] в показателе отрицания, показатель генитива -**a:n**; показатель предельного деепричастия -**ser**) обусловлены непосредственно языковыми особенностями унгинского говора, а другие (возникновение эпентез, огубление неогубленных гласных, нарушение сингармонизма, дифтонгизация монофтонгов, упрощение кластеров согласных одного места образования, частотное употребление частиц) — особенностями мотива, в рамках которого исполнен данный песенный текст.

Несмотря на то, что представленный в статье анализ имеет предварительный характер, он все же смог показать перспективу представленного методологического подхода, при котором песенный материал последовательно транскрибируется в системе МФА с использованием фонетической программы Praat и только затем подвергается дальнейшему анализу.

Таким образом, проведенный анализ позволил выделить некоторые направления для дальнейших исследований на более обширном, фольклорном и речевом материале. Для четкого разграничения отличий особенностей, обусловленных самим говором и связанных с мотивом, имеет смысл записывать и анализировать не только песенную реализацию текста, но и речевую, при которой носители проговаривают пропетый текст.

Литература

1. Бадмаева Л. Б., Цыренов Б. Д. Отдел языкознания ИМБТ СО РАН // Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (к 90-летию института). Иркутск: Оттиск, 2012. С. 294–318. Текст: непосредственный.
2. Бураев И. Д. Некоторые фонетические особенности говора аларо-унгинских бурят // Исследование бурятских говоров. Труды Бурятского института общественных наук БФ

СО АН СССР / редакторы Ц. Б. Цыдендамбаев, И. Д. Бураев; АН СССР, БФ, Бурятский институт общественных наук. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. Вып. 2. С. 117–135. Текст: непосредственный.

3. Бураев И. Д. Основные этапы исследования бурятских диалектов и их классификация // Развитие и взаимодействие диалектов Прибайкалья: сборник статей / ответственный редактор Л. Д. Шагдаров; АН СССР, БФ, Ин-т общественных наук. Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1988. С. 3–26. Текст: непосредственный.

4. Грунтов И. А., Мазо О. М. Классификация монгольских языков по лексикостатистическим данным // Вопросы языкового родства. 2015. №. 3. С. 205–255. Текст: непосредственный.

5. Дугаров Д. С. Бурятские народные песни: в 3 томах. Т. 3. Песни западных бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1980. 280 с. Текст: непосредственный.

6. Новикова О. В. Песни западных бурят: итоги музыкально-этнографической экспедиции 2012 года в Нукутский район Иркутской области // Народная культура Сибири: материалы XXI научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2012. С. 109–115. Текст: непосредственный.

7. Раднаева Л. Д. Сложные гласные в вокалической системе: монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2019. 220 с. Текст: непосредственный.

8. Тирон Е. Л., Байыр-оол А. В., Тарбастаева И. С. Песенная традиция овюрских тувинцев в контексте сельско-городской миграции XXI века: в 2 частях. Ч. 2. Тексты: монография / ответственный редактор Г. Е. Солдатова; Ин-т филологии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2023. 732 с. Текст: непосредственный.

9. Цыдендамбаев Ц. Б. К итогам экспедиционного изучения говоров добайкальских бурят // Исследование бурятских говоров. 1968. №. 2. С. 164–175. Текст: непосредственный.

10. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь = Буряад-ород толи: 30 000 слов: в 2 томах / Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии. О–Я. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. 708 с. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 26.11.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 05.12.2025.

Some Features of the Unga Dialect of the Buryat Language in Folk Songs: Preliminary Results of the Analysis

Vyacheslav V. Ivanov

Research Center for the Preservation, Revitalization
and Documentation of the Languages of Russia
Institute of Linguistic Research RAS
1 building, 1 Bolshoi Kislovskii Pereulok, 125009 Moscow, Russia
vvivanov@iling-ran.ru

Abstract. The article aims to identify the features of the Unga dialect of the Buryat language. The material for the study consists of folk songs recorded by the author from a single female speaker in the village of Zakuley, Nukut District, Irkutsk Oblast, in 2016–2017. The methods employed include phonetic, morphological, and syntactic analysis of the material, transcribed using the International Phonetic Alphabet in the program *Praat*. The study demonstrates that the features observed in the performance of the songs have different origins: some stem from inherent linguistic characteristics of the Unga dialect, while others arise from the specifics of the motif within which the recorded and analyzed text exists. The re-

В. В. Иванов. Некоторые особенности унгинского говора бурятского языка в народных песнях: предварительные результаты анализа

search outlines prospects for continuing this analysis by comparing the texts of the same songs in both sung performance and spoken rendition.

Keywords: Buryat language, the Unga dialect, folk songs, folklore, dialectology, linguistic features.

For citation

Ivanov V. V. Some Features of the Unga Dialect of the Buryat Language in Folk Songs: Preliminary Results of the Analysis. *Buryat Language and Literature in School*. 2025; 4: 24–33 (In Rus.)

The article was submitted 26.11.2025; approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 05.12.2025.